

1. Ума Турман в очках

Все дело было в песках. Было бы нехорошо представлять, будто все полярные лисицы умерли. Лучше вообще не воображать чью-то смерть, тем более массовую, всем известно, что это заканчивается плохо. Поэтому предположим, что песцов не существовало никогда. Древняя лиса, их прародительница, решила не заходить так далеко на север. Холодно, подумала она, зачем лапы морозить? Песцы бы не появились, во льдах бы жили только белые медведи, пингвины и зайцы-русаки, а эта история никогда бы не случилась. Но так уж вышло, что лисицам не сидится на месте, они бродят по свету и становятся полярными, а потом к ним приезжают ученые, которым тоже не сидится на месте. Марат всегда был с придурью, но я никогда не думал, что он может оказаться в числе этих ученых.

Честно признаться, я вообще никогда не думал об ученых, изучающих песцов.

Марат был моим лучшим другом. То есть, сначала у меня было два лучших друга, затем один, а потом и вовсе не осталось ни одного. Я, Никита Алифанов и Марат Шимаев были вместе всю школу, с самого первого класса.

Первым меня предал Никита. В то время как мы с Маратом стояли в очередях в московские институты, тряслись над результатами ЕГЭ и обсуждали абитуриентов, Никита укатил в Амстердам и поступил в университет. Конечно, я страшно на него обиделся. Я всегда считал, что дружба — это навсегда. Друзья идут вместе по жизни, делят друг с другом все впечатления, непременно приезжают с противоположного конца города, если одному из них грустно. Я слабо представлял, как Никита смог бы приехать ко мне из Амстердама, если бы я провалил экзамен или проиграл все деньги, сделав неудачную ставку на футбольного игрока. Конечно, если бы меня переехал автобус, и я умирал бы в больнице, он непременно взял бы билет до Москвы, но этого было недостаточно. Друзья должны приманиваться не только на большие трагедии, они обязаны быть рядом, если требуются даже в обычный плохой день. Как делить с Никитой свои впечатления, я тоже не понимал. Он видел за окном аккуратные северные домики, а я — длинные неказистые многоэтажки, загораживающие небо. Он ездил на учебу на велосипеде, положив в корзинку свежую выпечку, а я толкался в метро, прижимая рюкзак карманом к себе, чтобы из него ничего не выташили. Он читал книжки на русском, английском и нидерландском, а я только на одном из них. Как он теперь мог понять меня? А как я мог почувствовать его европейские проблемы?

За три года обучения Никита несколько раз приезжал в Москву, мы гуляли втроем, а потом снова бесконечно переписывались. Однако я решительно вычеркнул его из категории лучших друзей, теперь он был моим другом детства, другом по переписке или «а у меня есть друг, который живет в Амстердаме». Этим летом Никита даже не вернулся в Москву, потому что нашел себе девушку, настоящую нидерландку. Он звал меня приехать к себе, но я сказал, что у меня нет на это денег. Из-за этого небольшого вранья мне пришлось отказаться от всех летних поездок, но оно того стоило. Я был гордым и неприступным, как утес посреди моря.

Марат относился к этой ситуации проще, но он в принципе был таким человеком, вообще воспринимал все легко. Будто бы у него нет проблем. Будто бы он — распутившийся бутон лотоса посреди безоблачного неба.

Этим летом меня предал Марат. Это случилось накануне, поэтому моя обида была остра, как жало пчелы, которым я проткнул себя сам. Я допускал, что вина Марата не так уж и сильна, и я его прощу, но пока мое сердце наполняла ярость, и холодная логика никак не могла ее потушить.

Марат учился на биолога. Мы поступили в совершенно разные институты, но виделись почти каждый день, и вовсе не потому, что жили в одном доме, а потому что были лучшими друзьями. Он много мне рассказывал про животных, они увлекали Марата так же сильно, как меня компьютерные игры в восьмом классе. Этой весной он узнал, что от его института

на все три летних месяца отправляется экспедиционная группа на Камчатку, чтобы изучить жизнь песцов на полуострове. Марат обожал песцов даже больше других животных. Он так загорелся идеей, что добился того, чтобы его записали в группу. Он был упорным, сдал все экзамены до начала лета, изучил инструкции по выживанию и купил камеру, чтобы снимать песцов. В последние дни перед отъездом я только и слышал, что о песцах, снежных лисичках, как он их называл.

Теперь я ненавидел песцов. Мне было жутко обидно, что мой лучший друг решил провести все лето с неразумными существами, а не со мной. Иногда я сравнивал себя и песцов, пытаюсь понять, чем они лучше. Это был удар по моей самооценке, но я нашел несколько пунктов.

Песцы были милее меня.

Песцы могли съесть мертвое животное, а меня выворачивало от одной этой мысли.

Песцы могли сгрызть кость целиком.

Песцы не ревновали Марата к менее разумным существам, чем они. Например, они не ревновали его к червям и даже к бабочкам.

Перед отъездом Марат сказал:

— Пускай у тебя тоже будет классное лето.

Он ободряюще улыбнулся. Его спокойная улыбка бесила меня до чертиков. Я хотел крикнуть ему, что он испортил мне все лето со своими песцами, но вместо этого сказал:

— Сфотографируй мне там горностая.

Я сделал это, чтобы уязвить его чувство к песцам, мол, горностаи мне нравятся больше.

Марат рассудительно кивнул, словно его это нисколько не задело. Тогда я решил прибавить язвительности.

— Снежного барана тоже, если встретишь.

Я ждал его реакции. Смотри-ка, Марат, баран интереснее песца, что скажешь на это? Его лицо не изменилось и казалось спокойным, как и всегда. Я испугался, вдруг он думает о чем-то другом, например, о песцах, и не разглядел моей насмешки. Поэтому решил сказать почти прямо:

— По мне, горностаи и снежные бараны куда занятнее песцов.

Марат по-прежнему оставался спокойным. Его темные глаза заволокли далекие мысли, я видел, что он уже представляет себя на Камчатке, настоящим исследователем. Так мы и разошлись.

Его отъезд дался мне тяжело. Половину июня я сдавал экзамены. У меня была сложная учеба, хотя мне она давалась легче, чем большинству моих одноклассников. Возможно, я был прирожденным программистом. Хорошо, если так, тогда бы я выдохнул и совсем не нервничал на экзаменах, ведь впереди меня ждало славное будущее. Из-за того, что я больше не мог делиться своими переживаниями с Маратом, моим главным слушателем стала мама. Конечно, она до сих пор хотела уделить все внимание мне, но была слишком загружена работой, поэтому собеседником стала таким себе. Конечно, у меня имелись приятели в институте, я со всеми общался, иногда мы даже вместе ходили выпить или покурить кальян, но мы не были близкими людьми. Я не считал их своими. Иногда мне казалось, что из-за предательства Марата я обижен на всех вокруг, поэтому игнорирую приглашения одноклассников сходить в бар или попить пиво у кого-то на даче.

Я много читал, смотрел сериалы, рисовал, помогал маме. Иногда мне даже становилось стыдно, что в двадцать лет я до сих пор сижу на ее шее и папиных подарках, я думал устроиться на работу, но все как-то руки не доходили.

Рисование тоже шло кое-как. Мой дед был художником, мама мечтала, чтобы я пошел по его стопам, поэтому в школе записала меня вместо футбольной секции на рисование. У меня здорово выходило, как мне казалось, мои учителя говорили, что техника у меня отличная. Только вот за всю жизнь я ни разу не услышал, что мои рисунки вызывают какие-

то чувства. Все говорили, что они красивые, но особенно дерзкие люди осторожно отмечали, что какие-то бездуховные. Я обижался, думал, что бы такое нарисовать, чтобы им стало стыдно за свои слова. Но я нашел выход куда изобретательней, я использовал свои недостатки и стал рисовать яркие комиксы. Им не нужно быть одухотворенными, для них это скорее минус. С пятнадцати лет и по сей день я рисовал комикс про приключения тираннозавра по имени Горацио. Он был кровожадным хищником, но заботливым семьянином и верным другом. Он любил самок, дарил им цветы, а иногда ставил над ними эксперименты, потому что был гениальным ученым. Марату очень нравился мой комикс, да и Никита находил его очаровательным. За этот июнь я нарисовал двадцать страниц, но они не принесли мне удовольствия, кроме одного момента: Горацио напал на племя Ледяных Пушков и съел всех его представителей. Я оправдывал Горацио тем, что он был голодным, а не просто плохим динозавром.

Может быть, если бы я следовал своей мечте и поступил на художественный факультет, я бы обзавелся связями и уже издал комикс. Но я испугался, что у меня будет бесполезная глупая профессия, поэтому пошел в программисты. В этом могли быть и свои плюсы для Горацио, может быть, потом я сделаю флэш-игру про него, и он все-таки станет популярным.

По ночам меня мучили сны о Камчатке. Мне снился Марат, который бежит с песцами среди снегов, ловит их, прижимает к груди и кружится с ними. Иногда он целовал их в пушистые щеки, и они отвечали ему дружелюбным попискиванием. Я просыпался весь мокрый в смятой постели, будто после лихорадочного кошмара.

Двадцать второго июня мне позвонил Марат, впервые за лето. Когда я увидел его имя на экране телефона, первой моей мыслью было сбросить звонок. Потом меня накрыло паранойей, что Марата затоптал олень, и он звонит попрощаться. Я думал взять трубку, и, если не услышу хлюпанья его крови во рту, сказать ему, что занят и не могу говорить. Мне хотелось придумать какую-то обесценивающую нашу прошлую дружбу причину.

Например, «извини, я стою на кассе, покупаю жвачку, не могу говорить». Будто бы жвачка и продавщица мне куда важнее, чем бывший друг, которого я не слышал двадцать два дня. Я взял трубку.

— Алло.

— Женя, привет.

Голос Марата звучал спокойно и невозмутимо, как обычно. Вряд ли он умирал. Я решил немного помедлить, прежде чем прерывать разговор. Главное было ничем не выдать себя, будто бы я тоже совершенно спокоен. И равнодушен.

Марат не дал мне времени придумать достойный ответ на его приветствие.

— Мы полетели в Петропавловск за продуктами, здесь есть связь.

— М-м-м, — протянул я без лишней заинтересованности.

— Представляешь, вчера я кормил одного песца, его зовут Мухоловка, яйцом с рук.

Что-то в его голосе пошатнулось, в нем я впервые услышал взволнованность, которую можно было приравнять к восторгу.

— Конечно, я яйцо сначала почистил. Может быть, это было зря, потому что скорлупу они тоже едят.

— Зря, наверное.

— Ты бы видел их глазки-бусинки.

Бусинки выпуклые и безликие, не понимал я это сравнение. Будь у песцов бусинки вместо глаз, это выглядело бы жутко, жаль я не использовал такую догадку для Ледяных Пушков. Марат принялся рассказывать о песцах и жизни на научной базе, еде из банок и дымящемся чае с травами. Я периодически мычал ему в трубку что-то невнятное.

Когда Марат закончил свой бесконечно длинный рассказ о песцах, он, наконец, спросил.

— А у тебя как дела? Что нового? Как Горацио? — он говорил медленно, делая значительную паузу между вопросами.

Последний вопрос меня здорово разозлил, будто бы у меня настолько скучная жизнь, что все мои новости могут быть связаны только с комиксом, который я придумываю много лет.

— Я больше не рисовал его, — отрывисто сказал я. Может быть, Марат подумает, что у меня депрессия, и я не могу творить. Но он спросил спокойно:

— Почему?

— Другим занят.

— Это странно. Ты рисовал комикс даже между экзаменами.

Неужели Марат уличил меня во лжи? Мне срочно нужно было что-то сказать, желательно такое, что заинтересует его больше моего вранья.

— А я нашел себе девушку. Все время провожу с ней.

Это вырвалось само собой. Мне хотелось, чтобы Марат думал, что мое лето лучше его, и что в Москве мне есть, чем заняться. И вообще — иметь девушку довольно престижно.

— И что за девушка?

К такому вопросу я не был готов. Я не мог придумывать ее имя, иначе мне потом пришлось бы врать, почему она не может познакомиться с Маратом, или как мы успели расстаться.

— Ну... она красивая. Черные волосы, каре, ну понимаешь примерно.

Сказав это, я сразу подумал про Уму Турман, Марат любил «Криминальное чтиво». Вдруг он представил кого-то такого же рокового, как она? Это было на меня непохоже, Марат сразу бы понял, что я все придумал. Поэтому, чтобы немного смягчить крутость моей девушки, я добавил:

— И очки. Она носит очки, у нее плохое зрение.

— Везет тебе.

На самом деле, он не слишком завидовал, все еще думал о своих песцах. Однако, мне показалось, что он меня зауважал.

— Да, она классная.

— А как зовут?

Тут меня накрыла паника. Я мог бы сказать какое-то популярное имя, типа Маши или Насти, но я все никак не мог выбрать. Пауза затягивалась.

— Женя?

— Плохо слышно тебя. Телефон разряжается. Кажется, сейчас отключится! — выпалил я с отчаянием и со всей силой стал жать на кнопку выключения телефона. Пришлось даже постукивать пальцами по экрану, чтобы ускорить его хотя бы в моей голове.

Я вцепился себе в волосы от отчаяния. После того, как я бросил трубку, Марат точно понял, что я придумал себе девушку.

Я ходил по комнате, не зная, куда себя деть. В голову лезли ужасающие картины: усмешка Марата, сообщения от Никиты, сотни подколов, которые мне придется терпеть всю молодость, и песцы, песцы, песцы, которых Марат будет с торжеством показывать мне на фотографиях.

Может быть, я мог сказать, что моя девушка умерла, к примеру, от лейкемии или лучевой болезни. Марат все равно будет подозревать меня во лжи, но ему станет слишком стыдно говорить мне об этом. Вдруг я не вру? Хорошо ли обвинить друга во лжи, когда его любимый человек умер от страшной болезни? Не каждый на такое осмелится. Может быть, у Марата хватило бы такта этого не делать.

Мне стало не по себе. Я не слишком разбирался в мировых законах, как там судьба поступает с лжецами, но вдруг это накликало бы беду на меня или на мою потенциальную девушку, которая когда-нибудь появится? Я бы не хотел так оплошать.

Если я пойду по более легкому пути и скажу Марату, что к его приезду я уже расстался со своей девушкой, у него не будет этических причин не объявить меня лжецом. Это был не вариант.

Однажды у меня была девушка. Она так часто меняла прически, что, может, мне могло повезти, и сейчас она носила черное каре? Я мог бы стоять перед ней на коленях и умолять ее сказать Марату, что мы снова сошлись. То есть, «сошлись» было не тем словом, мы не то чтобы встречались, но кое-что у нас было. Катя была на шесть лет старше меня, вся покрытая татуировками и пирсингом. Она говорила, что я выгляжу миленько, а ей хочется сексуального опыта, которого у нее еще не было. В течение трех месяцев я периодически ездил к ней домой, иногда ходил с ней шокировать ее друзей и пить с ними пиво, которое мне только начали продавать. Еще она каталась на мотоцикле, я ездил с ней, и мне не очень-то хотелось про это вспоминать. Это было одновременно круто и унижительно. Когда Катя сказала, чтобы я больше не приезжал, у меня и не было особенных шансов возразить. Я зашел на ее страницу в Инстаграм, сейчас у нее были ярко-красные волосы до лопаток. Что ж, не стоило и надеяться.

В минуты отчаяния на помощь приходят родители, так уж заведено. Мне ничего не оставалось, кроме как спросить совета у мамы.

Она всегда хорошо меня чувствовала, будто бы нас до сих пор связывала невидимая пуповина. Стоило мне только подумать о ней, как раздался дверной звонок. Мысль о том, что мама может помочь мне в этой безвыходной ситуации, заставила меня выбежать из комнаты. Я проскользил на носках по паркету до самой двери и рывком повернул щеколду. Меня ждало великое разочарование. Мой лучик надежды, мой светлый ангел, моя мама стояла перед дверью, но за ее узкой спиной скромно мялась Таня Субботина, дочка маминой подруги. Она была как всегда некстати.

— Мама! — воскликнул я, чтобы она сразу поняла, что я в ней нуждаюсь. Потом добавил: — Привет, Таня.

Мама проскользнула внутрь мимо меня, на ходу вручив мне свою сумочку. Таня сделала шаг вперед, тоже собираясь войти, но не стала протискиваться мимо меня в дверной прием. Она неловко улыбнулась, и мне пришлось отойти.

— Женечка, представляешь, я встретила Таню на улице, мы с ней разговорились, и, надо же, выяснилось, что она собирается писать в следующем году работу по Льву Толстому. Танечка у нас отличница, поэтому решила приступить уже сейчас. «Алеша Горшок» — чудесный, но тяжелый рассказ, он будет ключевым в ее работе. У нас есть полное собрание сочинений Толстого, там обязательно должен быть где-то этот рассказ, я обещала дать ей книжку.

Мама могла бы щебетать и дальше, но ее отвлекли очки, чуть не свалившиеся с ее носа, когда она снимала туфли.

— Мам, осторожнее.

Она резко поднялась, быстро осмотрела меня внимательным взглядом своих карих глаз и промчалась на кухню. Ничего она не поняла про мое состояние, я чувствовал себя обманутым.

— Я поставлю чай, найди Тане тапочки!

Ага, значит, она собиралась еще с нами чай пить. Я посмотрел на Таню, она все мялась на пороге. Я не видел ее около года, но она несколько не изменилась за это время. Такая же тощая, узкоплечая и незрелая. Таня была на год младше меня, ей было девятнадцать, но выглядела она на пятнадцать лет. Ее длинные темно-русые волосы были собраны в пучок, как у балерины, она носила круглые хипстерские очки и клетчатое скучное платье.

Когда Таня приоткрывала рот, она могла даже выглядеть очаровательно и невинно, но все портили брекеты.

— Давно не виделись, — сказала она и как раз приоткрыла рот. Оказалось, что кое-что в ней все-таки изменилось, брекетов не было. Это даже стало для меня маленькой сенсацией, но перед глазами снова промелькнула ухмылка Марата, и я думать забыл о Таниных зубах.

— Значит, ты зашла за книжкой?

— Да, не планировала, но встретила на улице Наталью Дмитриевну и решила, что не буду заходить в магазин за книгой.

Среди множества моих кроссовок и маминых туфель я никак не мог отыскать тапки для гостей.

— Ну как там твоя учеба?

Черные туфли с пряжкой, кеды с Футурамой, бежевые лоферы, в которых мама натирала ноги, кроссовки для бега, они мне не понадобились, мамины синие лодочки на каблуках и мои оксфорды для выхода. Мне приходилось все вынимать, чтобы добраться до дальних рядов.

— Ты, должно быть, хочешь узнать, не пожалела ли я, выбрав филологию? Нет, эта наука оказалась еще интереснее, чем я предполагала.

Ничего такого я не хотел узнать. Единственное, что мне было нужно, чтобы Таня забрала свою книгу, выпила залпом чай, заела печеньем и оставила меня с мамой вдвоем.

— Хорошо тогда.

К Тане я относился не то чтобы плохо, но она всегда была для меня связана с какими-то ужасно скучными событиями. То мы с ней, тетей Аллой и мамой ходили на унылые спектакли, то в душные галереи, а то вообще в парки без аттракционов. Мы, конечно, оба упорно делали вид, что нам это интересно, но у меня закрадывались подозрения, что Тане не приходилось слишком сильно изображать восторг. До десяти лет мы даже приглашали друг друга на дни рождения, пока не случилось событие, перечеркнувшее любую возможность нормального общения. Однажды мы ехали в такси, Таню укачало и вырвало прямо на мои кроссовки. Она была так смущена, что избегала меня. Я, честно признаться, тоже ее избегал. Прошло десять лет, а этот случай все равно нависал над нами.

Я, наконец, выудил тапки с незабудками, которые так нравились маме. Надо же такое придумать, цветы на домашней обуви. Если бы я ходил в таких, то непременно бы представлял, как давя незабудки ногами, а это казалось почти вандализмом.

Я услышал, как мама пробежала с кухни в комнату, чтобы найти книгу. Потом уберу вываленную обувь, нужно быстрее напоить Таню чаем.

— Идем на кухню.

Я налил ей чай из фарфорового чайника с ласточками в чашечку с ласточками. Эта посуда была маминой гордостью. Мама вся была — птички и цветы, такие, немного устаревшие даже для нее. А вот наше печенье насмеялось над маминым утонченным вкусом. Лежало на столе в яркой красно-голубой упаковке. Если бы мама работала хотя бы немного меньше, она непременно переложила бы его в узорчатую конфетницу.

— Бери печенье, мед, сахар, все, что хочешь. Можешь в холодильник заглянуть.

Таня закивала, и я выскользнул с кухни. Мама стояла на стуле у книжного шкафа и просматривала книги с верхней полки. Сверху летела пыль, будто бы она была в старинной библиотеке.

— Мам!

Она продолжила водить пальцем по корешкам книг.

— Как назло на месте нет именно нужного тома!

— Давай я тоже посмотрю. Где только скажи.

Мама достала советскую книгу в коленкором переплете, пролистав до содержания и разочарованно помотала головой. Меня начинал злить Толстой, мог бы писать свои рассказы в алфавитном порядке. Мама поставила книгу, повернулась ко мне с таким видом, будто бы увидела впервые.

— Нет, иди и посиди с Таней на кухне, она там скучает одна.

Она снова уткнулась в книги, спорить с ней было бесполезно. Чтобы не показаться себе слабаком, я прошелся вдоль длинных книжных шкафов, будто бы надеясь разглядеть на полках нужного Толстого, и завернул на кухню.

Таня дула на чай, может, тоже хотела быстрее уйти. Я немного оттаял, наверняка ей было просто неловко отказать моей маме, когда она предложила ей помощь. Для приличия я даже налил себе чай в кружку с аллигаторами.

Потом, словно молния, меня поразила очевидная мысль: Таня могла скачать себе этот рассказ. Кто вообще ходит к знакомым за книгами? Это пережитки прошлого, все можно скачать в интернете.

— Таня, — начал я, пытаюсь придать своему голосу как можно более нейтральный тон, — А почему ты не скачала рассказ?

Она почесала шею сзади. Ее локоть был острым, как циркуль.

— Приложение для чтения книг все время выбрасывает меня. А с компьютера неудобно, я выписываю свои мысли по прочитанному в тетрадь.

Я закрыл глаза на пару секунд, выключение одного из основных органов чувств помогает сосредоточиться. Скачать приложение и книгу могло оказаться быстрее маминых поисков.

— Давай сюда телефон.

Она послушно протянула его мне. На заставке — Климт, я узнал его желтую и черную палитру. У меня стало еще больше поводов думать, что все интеллектуальные взрослые развлечения мам Тане нравились и в детстве.

Я достал и свой телефон, чтобы посмотреть пароль от Wi-fi. На экране горело сообщение от Никиты, которое начиналось со слов «Мне звонил Марат». Дальше текст можно было увидеть, только развернув сообщение, но мне этого не хотелось. Машина судного дня была запущена.

— На тебе лица нет, — сказала Таня. Я на секунду отвлекся от своих сокрушительных мыслей, потому что подумал, как было бы смешно, если бы я обернулся, а на мне и правда нет лица.

Из гостиной слышалось, как мама снимает книги с полки, дошла до второго ряда. Она выслушает меня не скоро, моему сердцу суждено трястись от тревоги.

Я с подозрением посмотрел на Таню. Сможет ли она решить мою проблему? Нет. Сможет ли выслушать меня и проникнуться моим несчастьем? Я не знал, но стоило рискнуть. Если держать свои переживания в себе, они могут в последующем вылиться в какую-нибудь нервную болезнь.

Я отложил наши телефон.

— Со мной произошла жуткая история, — начал я. Пришлось начать издали, с напоминаний о том, кто такой Марат, но оказалось, она помнила его. Я в деталях рассказал ей все о песцах, надеясь увидеть отклик в ее душе, но Таня только кивала. Когда я дошел до своей придуманной девушки, Таня вдруг перебила меня.

— Ты описал Наталью Дмитриевну.

Ее голос звучал увереннее, чем обычно, будто бы даже с вызовом. Она добавила, словно я не понял с первого раза:

— Свою маму.

Я попытался всмотреться в нее, издевалась Таня надо мной или нет. Да, моя мама носила такую же стрижку, но как она могла подумать, что эти два образа могут пересекаться в чем-то еще. Таня предстательно кивнула, разрешая мне продолжить. Вид у нее был в этот момент такой важный, будто бы она собиралась записать что-то в кожаную записную книжку.

У меня не было ответа для нее, поэтому вместо него я громко выдохнул воздух из носа и продолжил.

Когда я закончил описывать, какой позор меня ожидает, я поднял взгляд на Таню. Она смотрела на меня так, будто бы я рассказал не всю историю.

— Ну?

Она дернулась, выпрямила спину, будто бы я окликнул ее на улице. Потом прокашлялась и сказала:

— Мне кажется, что лучше всего было бы включить телефон и попробовать перезвонить Марату, вдруг у него еще ловит связь. Если ты признаешься ему в своей лжи сразу, будет менее стыдно. Было бы глупо...

От удивления у меня, наверное, глаза на лоб полезли. Видимо, Таня чокнулась, если думала, что я собираюсь в чем-то признаваться. Мне представлялось более возможным вариантом собрать вещи и переехать жить к сестре отца в Воскресенск, чтобы больше никогда не повстречаться с Маратом, чем сдать его. Конечно, тогда бы пришлось периодически видеться с отцом, но даже это казалось более приятной перспективой.

— ...и несправедливо пытаться найти себе девушку по описанным параметрам. Нельзя же встречаться с кем-то без любви или хотя бы влюбленности.

Она говорила что-то еще, но я перестал ее слушать. Таня подала гениальную идею, у меня было больше двух месяцев до приезда Марата, чтобы найти себе брюнетку с каре и в очках. Из-за стресса я сразу не догадался, хотя ответ лежал на поверхности. Я попытался вспомнить своих знакомых, но с первой попытки никого не нашел. Но ничего, таких девушек полно. Это было модно, винишко-тян наверняка в большинстве своем были одиноки. Плюс лето, я бы на месте девчонок состригал волосы к жаре. Если не будет складываться, зайду на сайт знакомств.

Я схватил Таню за руку.

— Слушай, а я ведь ничего? Скажи, как девчонка.

Она снова почесала шею сзади. Однажды я видел парня, у которого в этом месте была псориазная бляшка.

— Да, вполне, — растерянно сказала она. Я присмотрелся к ней, вроде бы она сказала это не из вежливости, чтобы не обидеть меня.

— Супер! Ты — лучшая, я попробую найти себе девушку за это время, и пусть Марат утретя песком.

— Ты уверен, что это хорошая идея?

— На все сто.

Я схватил печенье и засунул его себе в рот полностью. Оно показалось мне пищей богов, будто бы я сорок лет бродил по пустыне и впервые поел. Если бы я не нашел выход, наверняка скоро я бы перестал чувствовать вкус еды.

Таня большим глотком допила весь чай и поднялась с места.

— Я, наверное, пойду, помогу Наталье Дмитриевне найти книгу.

— Сиди, сейчас все тебе скачаю, — сказал я, но она меня не поняла из-за моего печенья во рту и вопросительно посмотрела на меня.

— Сиди, говорю.

Я снова взял ее телефон. Пока я скачивал приложение и книгу, вернулась мама. Ее черная строгая юбка, делавшая ее такой серьезной, была в полосках пыли. Значит, мама вытерла руки об нее, я осуждающе покачал головой. Мама могла бы быть очень величественной, у нее была хорошая семья, заумное образование, интеллигентная работа и стильная серьезная одежда, но ее нервные жесты простили ее.

— Нашла! Представляете, затерялась среди зарубежной литературы. У меня где-то была еще книга с критикой на творчество Толстого, потом поищу.

— Нет-нет, спасибо вам, что нашли нужный том, может быть, потом посмотрю и критику. Когда мама передавала Тане книгу, они обе смешно и вежливо кивали, как собачки на бардачке машины.

— Я все равно поищу, может быть, потом передам твоей маме или сама заходи.

— Мама, у меня скоро будет девушка! — не вытерпел я.

Она поправила очки.

— Правда, сынок?

— Да, давайте потом, сейчас мне нужно идти. Спасибо, Наталья Дмитриевна, пока, Женя,
— быстро сказала Таня и пошла к выходу. Мама растерянно посмотрела на меня, потом на Таню и пошла за ней в коридор.

У меня было такое приподнятое настроение, будто бы я знал, что у меня все точно получится. Девушка — это очень волнительно, но приятно. Я и раньше пробовал периодически присматриваться к своим одноклассницам, но все было как-то смазано. А теперь у меня имелась четкая цель. Как говорил нам учитель экономики: для того, чтобы добиться цели, нужно правильно ее сформулировать, определить меру измерения и срок, к которому она должна быть завершена.

Найти себе одну девушку с черным каре в очках до тридцать первого августа.

Вечером я нарисовал страницу комикса, где один из Ледяных Пушков выжил в желудке Горацио и был готов разорвать его изнутри, но, казалось, тираннозавр знал, как с этим справиться.

2. Кремовая гусеница

Первое же знакомство изменило мою жизнь. По крайней мере, перевернуло мое лето. Любое событие меняет жизнь, так что я сморозил глупость. Например, одел ты бахилы в поликлинике или нет. Если нет, то можно наткнуться на недовольный взгляд уборщицы, который испортит тебе весь день или даже всю жизнь. Ты выходишь из поликлиники раздраженным, садишься за руль, едешь неаккуратно и врезаешься в столб. Или того хуже, сбиваешь пешехода, и все, конец. Это, конечно, худшие варианты. Если не встретить уборщицу, все может закончиться хорошо. Но эти бахилы все равно меняют жизнь, появляется реальность, где ты ходил по поликлинике в определенное время без бахил или в них.

Но, как в случае с уборщицей, есть события, которые меняют что-то кардинально.

С утра, валяясь в кровати, я просматривал сайты знакомств. Я не слишком усердствовал, поэтому нашел только двух подходящих девушек. Мне хотелось сохранить баланс: не возлагать большие надежды на сайт знакомств, потому что это означало бы, что я разуверился в себе, но в то же время не бездействовать. Вдруг у меня ничего не выйдет сегодня, мне понадобится утешение, я найду его в том, что сделал хотя бы что-то для своей цели. Это как заводить ребенка, когда хочешь стать космонавтом. На всякий случай, чтобы получилось хотя бы что-то, и было оправдание перед самим собой на смертном одре. Ну, или, наоборот, улететь в космос, когда боишься, что дети получатся так себе, хотя они и есть твой смысл жизни.

Мама оставила на сковородке омлет, какое она у меня чудо. Омлет был холодным и даже немного противным, но мне было слишком лень ставить его в микроволновку, поэтому я обильно залил его кетчупом, получился мертвый Гомер Симпсон. Пока мучился с ним, я проводил аутотренинг: это нормально подойти познакомиться с девушкой, и это нормально, если она отказывает. В этой ситуации нет ничего оскорбительного ни для меня, ни для нее.

Для начала я думал отправиться прогуляться по торговому центру. Я не считал, что это хорошее место для знакомства, но мне хотелось присмотреться к людям, чтобы собраться с мыслями. Потом пойду в Кофе Бин или Старбакс, там должны быть девушки моего возраста.

На всякий случай я решил говорить, что мне двадцать четыре года, ведь могло случиться так, что я подойду к девушке, которой больше лет. Молния дважды не попадает в одно дерево, вряд ли я мог привлечь еще одну девчонку постарше.

В торговом центре оказалось достаточно скучающих девушек, было лето, все те, кто не уехал, шлялись бесцельно по городу, либо сидели за компьютером. Ну, из таких же, как я, не работающих. В основном, они ходили парами или даже стайками. Много было и девочек с парнями. Хорошо, что это не заставляло меня чувствовать себя одиноким. Если бы я искал девушку по менее странным причинам, то непременно слышал бы грустную музыку в голове при виде парочек.

Например, The Tiger Lillies – «Why Am I Alone?»

Я купил себе мармелад, ходил с ним, это меня чуточку развлекало. Мне даже попалась подходящая девушка, но она была с тремя подругами, это слишком большое противостояние.

Прогулка по торговому центру не прибавила мне уверенности, но, по крайней мере, не забрала ее. Я сделал вывод: совершенно бесполезное действие. Женя — ноль, отчаянное лето — один.

Я вышел из торгового центра и решил прогуляться до ближайшей актуальной кофейни. Первым мне встретилось неизвестное мне кафе с совершенно дурным названием «Кремовая гусеница». Ожидаемо на эмблеме свернулась калачиком рогатая гусеница в пятнах в виде кофейных зерен. Какой абсурд, кому могло прийти в голову поместить насекомое на рекламу заведения общественного питания. Одно единственное насекомое на одном единственном месте, которое имело право существовать на подобных эмблемах— это пчела на банке меда. Может быть, еще на упаковке медовика. Но даже около курицы в медовом соусе в меню ресторана не могла сидеть даже самая милая пчелка с раскраски. К тому же, кому пришло в голову назвать кофейню на русском языке в России? Это выглядело бы стильно только где-нибудь на Бродвее или в Дамаске. Нормально бы смотрелось в туристической Москве в ресторане с национальной кухней. Эпоха шоколадниц прошла, Даблби не в счет.

Так или иначе, я остановился у кофейни и пялился на эту непривлекательную гусеницу. Может быть, это такой особый рекламный ход, ввести в недоумение, чтобы клиент зашел убедиться, что перед ним полнейшая лажа. Агрессию нужно выпускать, значит, чтобы она не калечила тебя самого, это был хороший способ. Какой разбавленный кофе, Женя! Да еще и в кафе с уродливой отталкивающей эмблемой.

Что ж, у них получилось. Они, коварные бездушные бизнесмены, заинтересовали меня, и я стал заглядывать в большие окна. А что там есть? Оказалось, ничего более удивительного там не было. Бурая ненавязчивая мебель, официанты в черных фартуках, меню, написанное мелом над кассами, витрины с пирожными, похожими на новогодние игрушки. Выглядело стильно и привычно. Я почти потерял какой-либо интерес, когда увидел за одним из столиков ту самую. Брюнетка с каре и в очках сидела за столиком одна, вытянув ноги под стул напротив, это был неплохой шанс. Она была в черных колготках и в платье с красными рукавами, а на ногах у нее были кроссовки. Мне нравились девчонки в юбках и кроссовках, обычно это говорило о легкости характера, или, по крайней мере, о желаемой видимости такового. Девушка читала электронную книгу и попивала кофе из большого стакана. Образ с открытки. Даже сквозь стекло я видел, какие у нее длинные белые пальцы, будто бы у диснеевской принцессы в перчатках.

Лучше шанса не найти. Почему-то сцена, в которой девушка отвечает, что к ней нельзя подсесть, казалась мне далекой и нереалистичной. Я заморожено вошел в кофейню, окунулся, значит, с головой в приятный карамельно-молочный запах. Хотел бы я себе девушку с таким запахом, может быть, баристу, так сильно пропахшую работой, чтобы